

ГАРЕЦКИЙ

Радим Гаврилович —
академик НАН Беларуси,
главный научный сотрудник
Института природопользования
НАН Беларуси

НАУКА: ОТ СОВРЕМЕННОСТИ К БУДУЩЕМУ

**Рецензия на монографию В.И. Оноприенко
«Образ науки в меняющемся мире»**

С учетом нового материала по состоянию науки в последние десятилетия в монографии анализируются изменения как в самой науке, так и в методологии и методах науковедения, структуре и направленности исследовательских задач, востребованности и эффективности результатов. Обсуждаются вопросы диалога научного сообщества с властью и общественностью, воздействия на науковедение познавательного аппарата социологии науки. Большое внимание уделяется проблемам академической науки, ее организации, ресурсному состоянию и инновационным возможностям.

Автор монографии поставил перед собой задачу попытаться зафиксировать и проанализировать те сдвиги, которые произошли за последние десятилетия в науке, науковедении, научно-технологической политике, оценках научного потенциала, в связи с кардинальными переменами в цивилизационном развитии, в особенности на постсоветском пространстве. В книге рассмотрены перспективы информационной аналитики, проблемы корпоративной науки и оценки вклада ученого, соотношение информации и научного знания в современных реалиях научной и образовательной политики. Международный рейтинг украинской науки, ее кадровый и квалификационный потенциал оцениваются в контексте глобализации и сетевого общества. Автор отмечает, что вопреки кризису научных систем науковедческие исследования в последнее время оживились, тематически и методически расширились, хотя дисциплинарной консолидации так и не произошло.

Рефреном книги В.И. Оноприенко выступает идея баланса организационных и самоорганизационных аспектов развития науки. Механизмы самоорганизации воплощены в профессиональных сообществах ученых, которые функционируют в согласии с нормами и правилами исследовательской деятельности как профессии, отстаивающей свою автономию от различ-

ных проявлений бюрократии и вмешательства в ценности профессионального поведения.

Приоритеты науки должны формироваться именно в сложном диалоге представителей разных «цехов», поэтому конфигурация переднего края исследований постоянно изменяется. Важнейшей функцией научного сообщества является система постоянного мониторинга профессиональной квалификации. Обычно это делается через систему публикаций, где вклад каждого ученого подвергается заинтересованной и придирчивой экспертизе коллег, а ее результаты отражаются на профессиональном статусе автора. Известно, что не подтверждаемая результатами исследований профессиональная квалификация быстро уходит. Ученый, не предъявляющий результаты в течение двух лет, потерян для науки. То же происходит при переходе ученого от активной исследовательской деятельности в другие сферы — административную, политическую, коммерческую и т.д. Непоправимый урон уровню квалификации исследователей нанесли в последние десятилетия стагнация научной системы, неполная занятость и пр. Однако научное сообщество не может списывать потерю квалификации на эти объективные факторы, а обязано скрупулезно и последовательно фиксировать все факты потери квалификации. Иначе обеспечить здоровье в научной системе невозможно.

Несмотря на постоянные призывы разрабатывать проблематику теоретического науковедения, фактически всегда был четкий водораздел между практическим науковедением, которое в СССР прочно связало себя с организацией и управлением научной системы, и теорией развития научного знания, которая разрабатывалась философией и логикой науки на совершенно иной основе. Главный упрек, часто адресуемый науковедению, — это упрек в «рецептурности», ситуативности его моделей и предложений. Социология науки может дать науковедению новый категориальный аппарат, который ориентирует на изучение механизмов саморегуляции, самоорганизации научного сообщества. Основным приоритетом в социологии

науки выступают профессиональные нормы и ценности. В социологии науки сформировалась сетка базисных понятий, которые существенно дифференцируют и разнообразят представления о научном труде. Например, это переговоры для удостоверения нового знания, консенсус между разными профессиональными группировками по поводу нового знания, стратификация профессиональных групп, соперничество между исследователями и группировками в науке и т.д.

В книге используются современные концепции постиндустриального, информационного, техногенного общества, общества знаний, в котором эффективная инновационная промышленность насыщает потребности всех экономических агентов, потребителей и населения, постепенно снижая темпы своего роста и наращивая качественные, инновационные изменения. Сущность постиндустриального общества заключается в росте качества жизни населения и развитии инновационной экономики, включая индустрию знаний. Информационное общество — общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей ее формы — знаний. Для этой стадии развития общества и экономики характерно создание глобального информационного пространства, развитие информационной демократии и экономики, электронных социальных и хозяйствующих сетей.

Понятия общества знаний и информационного общества тесно связаны, но не тождественны. Понятие общества знаний содержит характеристики, относящиеся к развитию не только информационно-коммуникационных технологий, но и новых мегатехнологий. С конвергентным развитием нано-, био-, инфо-, когнитивных и социогуманитарных технологий связана перспектива новой технологической революции и формирования общества знаний. В понятии «техногенное общество» объединены представления о науке индустриального и постиндустриального общества с акцентом на рисках и угрозах для цивилизации при научно-техническом развитии.

Автор показывает, что, имея в виду ориентиры знаниевой экономики и знаниевого общества, нельзя не отметить проблемность и противоречивость достижения этих целей странами-аутсайдерами, к которым следует относить и государства на постсоветском пространстве, где системный кризис науки и образования продолжается уже два десятилетия. Но и в развитых странах построение знаниевой экономики сопровождается падением интереса к разработке фундаментальных проблем науки, в университетском секторе быстрыми темпами идет концентрация технологически ориентированных исследований, многие из которых субсидируются крупными компаниями. Доминирующей тенденцией становится межстрановая кооперация исследований (чему способствует лавинообразный рост интернет-сетей), в которую включаются и страны-аутсайдеры, но не в виде относительно самостоятельных сегментов своей научной системы, а в виде атомизированных субъектов, отдельных ученых.

Управление наукой все более сталкивается с новой ситуацией, основными чертами которой выступают многообразие субъектов власти; медленное, но неуклонное усиление веса региональных органов власти и самоуправления, так или иначе заинтересованных во взаимодействии с наукой; возникновение структур поддержки науки вроде различных советов от верхних до региональных этажей власти, отечественных и зарубежных, государственных и частных фондов поддержки науки и т.д. Это требует активности научного сообщества в отстаивании своих интересов в сбалансированном и обоснованном развитии научных дисциплин. Сложившиеся процедуры и оправдавшие себя формы взаимодействия внутри сообщества могут и должны быть перенесены на диалог с государством и обществом. Такой диалог — характерная черта развития науки в развитых странах.

Новые требования к национальной научно-технической политике связаны с обретением научным сообществом страны отчетливой субъектности, направленной на участие в ми-

рохозяйственных связях глобального сетевого общества через включение в них конкретного интеллектуального продукта, который пройдет селекцию Сети. В ином случае в результате отключения от Сети произойдет маргинализация самого научного сообщества и оттеснение национальной науки на обочину цивилизации. Обрести же качество субъектности национальная научная политика может лишь путем институционализации национального научного сообщества в перманентном диалоге с властью, деловыми кругами, средствами массовой информации, мнением широкой общественности. Именно таким способом должны определяться приоритеты научно-технологического развития. Это трудоемкий и затратный путь, но альтернативы ему нет.

Время кризиса научной системы вызвало к жизни многочисленные рецепты зарубежной организации науки, которые нередко стремятся прямо и без оговорок «вживить» в национальный организм науки. В монографии В.И. Оноприенко реализуется принципиально иной подход. Характерная черта обсуждаемой книги — ее проблемность, постановка нетривиальных и неоднозначных вопросов, попытка ответить на них, опираясь не только на факты и статистику, но и на глубокий анализ и последовательную аргументацию.

Не исключаю, что неприятие может вызвать данная в книге трактовка проблемы научных школ, которая столь часто поднимается на щит на постсоветском пространстве, а сохранение научных школ на протяжении нескольких десятилетий выдвигается чуть ли не как главная стратегическая задача науки, под которую даже запрашиваются финансовые ресурсы.

В монографии показано, почему в западной науке феномену научных школ придается существенно меньшее значение. Потенциал ученого имеет две составляющие — профессиональную опытность (традиции) и интеллектуальную мобильность (новационность), которые альтернативны, т.е. нарастание опыта подрывает мобильность, а повышение мобильности мешает накоплению опыта. Поэтому любая стратегия развития науки требует выбора

между ними. СССР, а затем страны постсоветского пространства отказались от мобильности и отдали предпочтение опыту. США выбрали мобильность, теряя преимущества стабильных коллективов.

Школа — организм со своим жизненным циклом, к тому же, как правило, краткосрочным. В когнитивном плане на ее живучесть оказывает решающее влияние новационность ее программы, но не менее важны и социальные факторы — исчерпание образовательного и коммуникационного ресурсов. Когда говорят о длительно существующих школах, на самом деле имеют в виду длящуюся научную традицию, но не реально действующий научный коллектив. Чаще всего школу идентифицируют с конкретным исследовательским институтом, что неправильно. Наши школы, сформировавшиеся в послевоенный период, начали стареть в 1980-е годы вместе с процессом стагнации общества.

Автор справедливо отмечает, что понятие «научная школа» (несмотря на то, что одной из главных ее характеристик также является

определенная «матрица» — научная программа школы) — это, скорее социально-психологическое понятие, для которого особенно важны лидер и творческий климат. Чаще всего жизненный цикл научной школы совпадает с жизненным циклом ее лидера. Отсюда, в частности, следует, что научные школы в принципе не столь массовое явление в науке, как это часто представляется. С научными школами связаны монополизация научных программ, искусственное сдерживание здоровой конкуренции и соперничества в науке. Резонным является соображение, что проблема научных школ в советской науке стала подниматься на щит начиная с 1970-х годов, когда в СССР обострилось отставание науки от мировых лидеров. Концепция сохранения и консервации научных школ представляет собой идеологию стагнирующей науки.

Книга В.И. Оноприенко пробуждает мысль, заставляет задуматься о судьбе науки. Она не дает окончательных рецептов, а приглашает к диалогу, и в этом ее большое преимущество.